

Историческая политика: к проблеме концептуализации понятия

А. Г. Цымбал,

кандидат исторических наук, доцент,
Минский государственный лингвистический университет

Историческая политика является относительно новым полем междисциплинарных исследований, концептуализация понятийного аппарата которого на сегодняшний день окончательно не оформлена¹. Данная проблематика относится к memory studies – научному направлению, в центре внимания которого находятся проблемы исторического сознания и коллективной памяти различных социальных групп.

Одна из первых попыток концептуализации исторической политики была предпринята в Германии Э. Вольфрумом в 1999 г. Историческая политика в ФРГ в контексте «спора историков» середины 1980-х гг. рассматривалась негативно, как обозначение политической инструментализации истории в конъюнктурных политических целях [1, с. 232–245]. Впоследствии концепция эволюционировала от нерелексивного политического лозунга к научной концептуализации. Историческая политика стала аналитической категорией, в том числе прямым образом относящейся к сфере образования.

Новый подход, рассматривающий историческую политику как неотъемлемую часть политики, в том числе и внешней, возобладал в первую очередь в Польше в середине 2000-х гг. Историческая политика начинает рассматриваться как неизбежная и необходимая в демократическом государстве в реалиях гражданского общества, где исторические интер-

претации всегда присутствовали в объяснении существующего положения дел и поиске решений для будущего, а также в процессах легитимации власти. Определенное противоречие в интерпретации исторической политики сохраняется и сегодня.

В социальных науках к проблеме исторической политики можно обозначить два подхода: критический, признающий существование самого понятия, но рассматривающий историческую политику как искажение исторической науки, выхолощенную историографию и переписывание истории в угоду политической конъюнктуре; условно апологетический, защищающий правомерность использования данного понятия и рассматривающий феномен исторической политики как неизбежное следствие действий политических акторов.

Для обозначения зачастую идентичных явлений и процессов в специальной литературе используются самые разнообразные конкурирующие понятия: историческая политика, политика памяти, политика прошлого, коллективная и социальная память, режим памяти, культура памяти, политическое использование прошлого, символическая политика и др.

Термин «историческая политика» может быть выведен из англоязычного politics of history. Под таким названием американский политолог и историк Г. Зинн опубликовал свою книгу в 1970 г. В настоящее время в англоязычной литературе преобладает концепт «политики памяти» (politics of memory). Понятие исторической политики получило распространение преимущественно в Германии, Польше и странах Восточной Европы, где параллельно также широко используется понятие «политика памяти». Память понимается как средство, с помощью которого люди конструируют свое прошлое. С одной стороны, память исследуется как свидетельство человека, пережившего какой-то опыт. С другой – концепция памяти используется для анализа представлений о прошлом и его построения через носители памяти – книги, фильмы, памятники, церемонии и т. д.

В Германии взаимоотношение современности с прошлым концептуализируется посредством понятий «культура памяти» (Erinnerungskultur) или «политика прошлого» (Vergangensheitspolitik). Во Франции politique de la mémoire, или политика памяти, является сегодня преобладающей. Однако в научном и политическом дискурсе присутствует политика истории (politique historique), а также близкое восточноевропейской исторической политике политическое использование прошлого (usages politique du passé), реже встречается просто politique du passé, т. е. политика прошлого. Отдельного упоминания заслуживает более узкая по содержанию мемориальная политика (politique mémorielle), связанная в основном с государственными праздниками или публичными торжествами, посвященными истории [2]. Политика памяти, направленная на конструирование инклюзивной идентичности, является интеллектуальным продуктом

¹ Исследование выполнено при поддержке БРФФИ в рамках проекта № Г23ИП-021.

западноевропейской интеллектуальной традиции. Между тем историческая политика имеет немецкие и особенно польские корни.

Несмотря на то что в последние десятилетия появились сотни работ, посвященных различным аспектам исторической политики, большинство из них имеют прагматический характер *case studies*, служат частью введения к эмпирической работе, представляют ранее использованные определения или предлагают авторское определение.

Попытки дефиниций исторической политики и политики памяти предпринимались в научных работах многих авторов. Классическим считается определение, предложенное Э. Вольфрумом, который описал историческую политику как публичный и медийный дифференцированный процесс, в котором ведущие силы конкурируют за гегемонию дискурса и модели интерпретации [3, с. 28–29].

Э. Вольфрум и Х. Шмид представили набор вопросов для изучения в рамках исследований исторической политики. Среди них: поле действия и политики (акторы и их интересы, использующие историю для стратегической легитимности, мобилизации, скандализации или стигматизации); функциональная перспектива (использование понятия исторической политики без изначальной критики); политико-просветительская задача (как обязанность каждого правительства); публичный характер и конкуренция (историческая политика конфронтационна по своей сущности, что обусловлено различиями в интересах акторов); конфликты и политическая культура (которая меняется в долгосрочной перспективе под влиянием споров о прошлом); взаимоотношения между наукой и политикой (обе используют историческую политику); отношения между историей и политикой (политика стала исторической и поэтому определяется прошлым, а то, что является историческим, будет по-разному интерпретироваться тем, что является политическим); двусторонность явления – история в политике и история как политика, демократический консенсус как основа, различие между исторической политикой и политикой по отношению к прошлому [1, с. 147].

Х. Шмид выделил пять точек анализа исторической политики: формы и средства (язык, символы, ритуалы, нарратив); содержание и продукты (видение истории, генеалогические конструкции); функции (легитимирующая, критическая, интегрирующая, идентичности); акторы (политический класс, СМИ, историки); нормативные контексты (ценности, традиции) [4, с. 72].

Очень часто исследователи отождествляют термины «историческая политика» и «политика памяти». Однако проблема размежевания понятий все больше привлекает специалистов. Разграничивает эти два понятия украинский исследователь проблем политического использования истории Г. Касьянов. По его мнению, историческая политика как один из видов политики направлена на конструирование и инстру-

ментализацию «исторической памяти» и ее репрезентаций, особенно профессиональной историографии. Как и любая сфера политики, историческая политика представляет собой поле противостояния групп в борьбе за власть и ее сохранение. Историческая политика является средством обеспечения форм лояльности больших социальных групп и поддержания над ними идейно-политического контроля.

Утилитарное использование истории и памяти – основная черта исторической политики, которая проявляется в политической, законодательной практике, внутренней и внешней политике.

Политика памяти, таким образом, – более узкий термин, охватывающий практики, связанные с формированием коллективной или исторической памяти, и не предполагает вмешательства в сферу профессиональной историографии или дидактики истории [5, с. 27].

Близкое по смыслу определение исторической политики предлагает российский исследователь В. В. Бушуев: «...под государственной исторической политикой мы понимаем систематизированную, целенаправленную деятельность национальных политических элит, управляемых ими политико-административных структур, сотрудничающих с государством общественных организаций по формированию (конструированию) и поддержанию определенных исторических представлений в обществе и на внешнеполитической арене» [6, с. 79].

Политику памяти можно рассматривать как комплекс мероприятий, направленных на формирование и поддержку групповой идентичности, прежде всего национальной и этнической. Историческую политику отличает сознательное использование истории как инструмента политической дискуссии как внутри страны, так и на международной арене.

Иначе подходят к определению соотношения этих понятий российские исследователи Центра изучения коллективной памяти и символической политики под научным руководством А. Миллера, рассматривающие историческую политику как элемент символической политики, под которой понимается публичная деятельность, связанная с производством различных способов интерпретации социальной действительности и борьбой за их доминирование. Подобного подхода придерживается, в частности, О. Малинова [7, с. 27–31].

По определению А. Миллера, историческая политика – это особая конфигурация методов, предполагающая «использование государственных административных и финансовых ресурсов в сфере истории и политики памяти в интересах правящей элиты» [8, с. 19].

Анализируя соотношение данных понятий, О. Малинова отмечает, что историческая политика оказывается частным случаем политики памяти, которую она предлагает понимать как деятельность государства и других акторов, направленную на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающих их культурной

инфраструктуры, образовательной политики, а в некоторых случаях – еще и законодательного регулирования. Понятия «политическое использование прошлого», «политика памяти» и «историческая политика» могут рассматриваться как проявления символической политики, т. е. публичной деятельности, связанной с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование в публичном пространстве [7, с. 33].

Польский исследователь Р. Хведарук считает понятие «историческая политика» более функциональным, чем понятие «политика памяти», и утверждает, что проблема памяти актуальна для полиэтнических и поликультурных обществ и исторически маргинализированных социальных групп, что усложняет использование понятия «политика памяти» для других сообществ. Историческая политика является полем деятельности различных акторов, в том числе народов, имевших традиции господства и гегемонии [1, с. 188].

На Западе, например в Германии, политика памяти имеет более позитивный оттенок, чем историческая политика. В публичном и научном дискурсе политика памяти увязывается там с опытом собственных обществ, плюрализмом акторов и интерпретаций, демократической средой. В то же время восточноевропейским государствам приписывается тенденция инструментализации прошлого через историческую политику как более жесткого варианта политики идентичности, связанного с насаждением желаемых интерпретаций истории. Политика памяти за пределами «старых» стран ЕС подразумевает принятие и адаптацию немецкой и западной модели, понимаемой как нормативной, в основании которой лежит критическое отношение к собственному прошлому.

Российский исследователь В. Титов акцентирует внимание, что понятие «историческая политика» рассматривается в первую очередь как деятельность государства по написанию или переписыванию официальной версии истории и ее продвижению внутри страны и на международной арене. В то время как политика памяти, понимаемая не только как сохранение «мест памяти», а как системная деятельность по формированию общенационального «образа прошлого», выглядит более емким понятием. По его мнению, политика памяти, в отличие от исторической политики, затрагивает и содержательный, и эмоциональный аспекты формирования исторических представлений, на основе чего выстраивается национально-государственная идентичность. Задача государства сводится к конструированию внутренне непротиворечивого и неконфликтного образа прошлого, призванного консолидировать общество. «Политика памяти» выступает как более мягкий вариант и противопоставляется агрессивной исторической политике как политической технологии и попытке переписать историю с насаждением правильных оценок прошлого [9, с. 44–48].

В. Титов также выделяет пять подходов к концептуализации «политики памяти». Первый – совокупность интерпретационных определений, в основе которых лежит понимание политики памяти в качестве деятельности, направленной на интерпретацию и переоценку событий прошлого как в соответствующем «политическом контексте», так и без привязки к политической конъюнктуре. Второй – инструментальный, или ресурсный, который рассматривает историю и ее интерпретацию как механизм долгосрочной легитимации действующей политической власти. Третий – ретроспективный, или социализационный. Ретрансляция истории в его рамках рассматривается как сохранение преемственности исторических представлений и их очищение от конъюнктурных политических оценок. В рамках данного подхода разграничиваются политика памяти и историческая политика, под которой понимается институциональное обеспечение официальной версии истории. Четвертый подход предусматривает конструктивистский взгляд на политику памяти в традиции исторического презентизма и конструирования истории исходя из потребностей современности. Пятый подход – системный, объединяющий элементы социальной памяти и конструируемые государством нарративы официальной истории [9, с. 47–53].

К системному подходу можно отнести интерпретацию Ю. Шеррер, которая утверждает, что «... историческая политика (или политика памяти) в демократических обществах – это намного более широкое явление, чем история на службе политики. Это также нечто большее, чем просто формирование и закрепление нормативного или догматического мировоззрения, поскольку включает в себя передачу самого разного рода воспоминаний и опыта, а также поиск забытых фактов и следов отвергнутых альтернатив» [2]. Особая значимость сохраняется за профессиональным историческим сообществом в сфере исторической памяти: «... Историческая политика – это еще и тематика научных исследований с целью поиска ответов на вопросы о том, как исторические интерпретации превращаются в политическое противоборство, кто и с какой целью делает это и к чему это приводит» [2].

Необходимо упомянуть также подход, представленный в работе М. Лучевского, который предлагает анализировать историческую политику через использование понятия «моральный капитал», под которым понимается нарратив, придающий моральный статус, моральную ценность или моральный характер. Историческая политика поддерживает групповую идентичность через этос (непрерывность повествования), возвращение к истокам (отождествление с жертвами и утверждение себя их потомками) и обращение (возвращение в настоящее и построение моральной идентичности). Таким образом, история создает моральную основу идентичности через поддержку героических традиций, память о жертвах или, как в случае с Германией, решительное отрицание преступлений прошлых режимов [10, с. 188].

Широкое использование истории в политических целях привело к институционализации исторической политики, созданию особых инструментов, с помощью которых политические акторы осуществляют историческую политику. В качестве институтов выступают музеи, мемориалы, учебники, а также новые средства инструментализации истории: институты национальной памяти, комиссии по борьбе с фальсификацией истории и др. Исследователи отмечают, что в поле институционализации исторической политики должны быть включены и устойчивые практики, важные для их участников как подтверждение их принадлежности к определенной группе и подтверждения идентичности [11, с. 14].

В исследованиях памяти и исторической политики акцент делается на проблемах построения нарратива, выбора мест памяти, средств ее продвижения, на конфликтах нарративов, борьбе за музеи, памятники. В центре внимания этого подхода находятся институты, понимаемые как организации и устойчивые практики. Также среди современных тенденций отмечается акцент не на памяти, а на памятях. Акцент смещается на множественность и разнообразие исторической памяти и опыта различных социальных групп, на процесс производства идентичностей и формирования групп вместо того, чтобы смотреть на память как на результат деятельности уже сформированных групп. Новая политика идентичности активно использует поле исторической памяти для артикуляции и утверждения прав групп, ищущих компенсации своего исторического травматического опыта, что подчеркивает аспект конструирования групп средствами исторической политики или политики памяти.

Таким образом, концептуальное наполнение понятия исторической политики происходит в трех аспектах:

1) оформление исторической политики как аналитической категории для анализа деятельности акторов по политическому использованию прошлого;

2) размежевание термина «историческая политика» от близких по смыслу, в первую очередь от термина «политика памяти». В данном аспекте наблюдается наибольшее расхождение оценок: от признания исторической политики частным случаем политики памяти и до концептуализации их в рамках зонтичного термина «символическая политика»;

3) определение проблемного поля и методологии исследований исторической политики, где одним из ключевых является институциональный подход.

Список использованных источников

1. *Chwedoruk, R.* Polityka historyczna / R. Chwedoruk. – Warszawa: PWN, 2018. – 384 s.
2. *Ширпер, Ю.* Отношение к истории в Германии и Франции: проработка прошлого, историческая политика, политика памяти [Электронный ресурс] // Ю. Ширпер // Перспективы. – 2023. – Режим доступа: <https://www.perspektivy.info/print.php?ID=48576>. – Дата доступа: 11.06.2023.
3. *Wolfrum, E.* Geschichtspolitik in der Bundesrepublik Deutschland: der Weg zur bundesrepublikanischen Erinnerung 1948–1990 / E. Wolfrum. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1999. – 541 p.
4. *Schmid, H.* Vom publizistischen Kampfbegriff zum Forschungskonzept. Historisierung der Kategorie Geschichtspolitik / H. Schmid // Geschichtspolitik und kollektives Gedächtnis. Erinnerungskulturen in Theorie und Praxis / ed. H. Schmid. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2009. – S. 53–77.
5. *Касьянов, Г.* Past Continuous: історична політика 1980-х – 2000-х. Україна та сусіди / Г. Касьянов. – Київ: Лаурис. Антропос-Логос-Фільм, 2018. – 420 с.
6. *Бушуев, В. В.* Национально-государственная идентичность в современном мире и роль исторической политики в ее формировании (теоретико-методологический анализ) / В. В. Бушуев, В. В. Титов // ЛОКУС: люди, общество, культура, смыслы. – 2011. – № 4. – С. 77–94.
7. *Малинова, О. Ю.* Политика памяти как область символической политики / О. Ю. Малинова // Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. науч. тр. / отв. ред. А. И. Миллер, Д. В. Ефременко. – М.-СПб.: Нестор-История, 2018. – С. 27–54.
8. *Миллер, А. И.* Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века / А. И. Миллер // Историческая политика в XXI веке / под ред. А. Миллера, М. Липман. – М., 2012. – С. 7–32.
9. *Титов, В. В.* Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции / В. В. Титов. – М.: Типография «Ваш формат», 2017. – 184 с.
10. *Łuczewski, M.* Kapitał moralny: polityki historyczne w różnej nowoczesności / M. Łuczewski. – Kraków: Ośrodek Myśli Politycznej, 2017. – 431 p.
11. *Миллер, А. И.* Большие перемены. Что нового в политике памяти и в ее изучении? / А. И. Миллер // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллектив. монография. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2020. – С. 8–24.

Аннотация

Статья посвящена проблеме концептуализации понятия «историческая политика». Во-первых, отмечается, что происходит оформление исторической политики как аналитической категории для изучения деятельности акторов по политическому использованию прошлого. Во-вторых, определяется значение и соотношение понятий «историческая политика», «политика памяти», «символическая политика». В-третьих, характеризуется проблемное поле и методология исследований исторической политики, где одним из наиболее актуальных является институциональный подход.

Abstract

The article is devoted to the problem of conceptualization of the “politics of history”. It is noted that, firstly, “politics of history” is being formed as an analytical category for studying the activities of actors in the political use of the past. Secondly, the meaning of the concepts of “politics of history”, “politics of memory”, “symbolic politics” is determined. And thirdly, the problem field and research methodology of “politics of history” is taking shape, where one of the most relevant is the institutional approach.